

Исакичева Маргарита Витальевна

ИСАКИЧЕВА АННА ДМИТРИЕВНА
с дочерью Ритой



Воспоминания Исакичевой Маргариты Витальевны

«**Война.** Конец июня - первые бомбежки Москвы. Мы жили недалеко от авиационного завода имени Сталина, его немцы жестоко бомбили. На лекции в институте один профессор сказал: "На заводе была выложена белая эмблема самолета. Её даже не закрыли ветками или другим материалом. На территории завода был наводчик, который ночью подавал фонарём сигналы», и немцы "точно" бомбили. Каждую ночь ревел метроном, выли сирены и мы бежали в убежище. Помню, мою почти четырёхлетнюю сестру мама, летом, укладывая спать, одевала в зимнее пальто, а на него повязывала шарфик. Мы сидели в бомбоубежище, а наши отцы охраняли небо Москвы, тушили пожары и сбрасывали с крыш зажигалки... Однажды бомбежка была днём. Мы с подружками были далеко от дома: собирали цветы. Начались взрывы, мы падали, а потом снова бежали к дому. Какая-то женщина схватила меня за руку и привела в другое "не наше" бомбоубежище. Представляю, что пережили мои родители, когда в бомбёжку меня не оказалось дома. В июле, в разгар бомбёжек, в порту было принято решение эвакуировать детей без родителей. В порт пришел пароход, нас начали грузить. Распределили по группам, назначили воспитателей. Одна девочка сказала: "Это мой воспитатель". - Та ответила: "У нас теперь всё общее". Наш пароход должен был плыть в Рязань. Что могло быть с нами, даже не представить. Но... в тот момент, когда начали убирать трап, отец буквально схватил нас обеих под мышки и поставил на берег, на тёплый филевский песок, а пароход поплыл по Москве-реке вниз. Вскоре мы с мамой на барже, причаленной к буксиру, поплыли в эвакуацию. Когда наш отец воевал и погиб, мы хлебнули в эвакуации лиха по макушку. Сначала похоронили бабушку, которой перед самой войной в Москве сделали операцию. А вскоре умер дедушка. Маме было тогда всего 28 лет. А голод? Это не описать словами. В школе, это был 1941 год, в первом классе наш учитель работала с нами всего 2 месяца и ушла на фронт. Какую боль испытали мы, потеряв её. В нашем классе в начальной школе ни один отец не пришёл с войны. Сплошная

безотцовщина... С 20 мая по 30 августа всю войну и даже после неё мы, дети, всё лето работали в поле с рассвета до темноты вместе со взрослыми. Плакали потихоньку, но работали. Особенно тяжело было на току, когда молотили хлеб: полова и пыль вихрем летят в уши, нос, глаза, а в барабаны надо подавать снопы или отгребать зерно вместе с мякиной, половой или веять зерно. Неужели мы, дети, это смогли всё выдержать? Сдюжили, как говорится у нас на Руси. Ещё труднее было мальчикам. Их уже в 6 лет сажали на лошадку возить снопы, сено, зерно. А кто был чуть постарше, полностью заменял мужчин, ушедших на фронт.

Все вспоминают с радостью день Победы, а у нас мама была как помешанная. Она смеётся, потом рыдает, хватается круглую чёрную тарелку репродуктора (радио), выдергивает из розетки, бросает на пол, топчет ногами, бумага рвется. После этого она бежит и варит клей из крахмала, газетами заклеивает все дыры на репродукторе, включает, слушает радио, а потом снова топчет его ногами, даже танцует. Вот таким и запомнился день Победы. Эти фрагменты детства я помню так чётко, буквально вижу их и всё переживаю заново.

Мы выжили, мы выстояли, состоялись в жизни. Мой отец просил маму: «Дай детям образование». Низкий поклон нашим матерям, вынесшим на своих плечах все самое невозможное. Я закончила Горьковский пединститут, 40 лет преподавала в школе литературу и вот уже 11 лет заведую музеем народного образования. 15 лет как получила звание **"Отличник просвещения"**.

Воспитала двух дочерей, счастливая бабушка».

